

Тань Ци сидел на корточках за стеллажом, углубившись в чтение.

К счастью, служба его проходила в Библиотечном тереме, где хватало книг, чтобы во всех подробностях разузнать об этом новом мире.

Потерев уставшие веки, он вернул фолиант на полку и осторожно выглянул из-за стеллажа, чтобы незаметно понаблюдать за хозяином терема Черной Птицы, Шэнь Цинчжоу.

Шэнь Цинчжоу сидел за столом, держа спину безупречно прямо. Он едва касался страниц бледными длинными пальцами. В багряных лучах заходящего солнца профиль его казался вырезанным из тончайшего, светящегося изнутри нефрита. Весь его облик дышал спокойствием и благородной чистотой.

Родись этот человек в прежнем мире Тань Ци, он непременно стал бы самым завидным парнем в классе — из тех, о ком девочки вздыхают до самого выпуска как о недостижимой мечте.

Тань Ци отпрянул назад и снял с полки книгу под названием «Воспоминания о Цинь».

Этот рукописный список явно знал лучшие времена — судя по потрепанному виду, он был старше, чем сам Тань Ци и Цзи Ин вместе взятые. Приходилось переворачивать хрупкие, пожелтевшие листы едва ли не кончиками ногтей, боясь упустить даже обрывок.

Прошлое этих земель поразительно напоминало его собственный мир. По крайней мере, до эпохи Вэй и Цзинь история катилась по тем же самым рельсам. Как приличный студент нового века, Тань Ци, разумеется, слышал и о первом императоре Цинь, и о ханьском У-ди, и о Лю Бэе с Чжугэ Ляном.

К великому сожалению, в здешнем поднебесном краю династии Тан не существовало, а значит, не было и великого Ли Шиминя. Тань Ци взгрустнул было, но тут же приободрился.

В конце концов, он ведь на Пэнлае! Пусть нет императора Тан, зато великий Цинь Шихуанди вполне мог преуспеть в поисках бессмертия и обрести вечную жизнь!

Однако, стоило ему раскрыть «Исторические записки», взгляд наткнулся на строчку: «В седьмом месяце, в день бин-инь, Первый Император преставился на террасе Шацю».

Тань Ци едва не расплакался от разочарования.

Тяжело вздохнув, парень вернулся к «Воспоминаниям о Цинь». В его прежнем мире такой книги не существовало. Как пояснил Шэнь Цинчжоу, эти мемуары, записанные в конце правления ханьского Цзин-ди, содержали ценные сведения о бурной эпохе Цинь. Правда, большинство изложенных в них фактов оставались единичными свидетельствами, а потому официальные ученые мужи обходили труд стороной.

Мельком пробежав глазами предисловие, Тань Ци внезапно округлил глаза и поспешно вернул страницу назад.

В углу, где должна была стоять подпись автора, красовалось размашистое, летящее имя: «Вэй Шу из рода Цинь».

«Из рода Цинь? — озадачился Тань Ци. — Неужели того самого, пэнлайского? Выходит, книгу написала их прародительница?»

Не сдержав любопытства, он сразу же обратился к Шэнь Цинчжоу.

Тот оторвал взгляд от чтения. Он выглядел так, будто испытывал смешанные чувства.

— Память отшибло напрочь, как я погляжу, — покачал он головой.

— Чего? — растерялся Тань Ци.

— Основателем пэнлайского рода Цинь был Ин Чэнь, внук Первого Императора Ин Чжэна и сын царевича Гао, — негромко заговорил Шэнь Цинчжоу. — А мемуары эти принадлежат кисти его супруги, прародительницы Вэй Шу.

— Когда на престол взошел Эрши Хухай, он вместе с коварным временщиком Чжао Гао принялся безжалостно истреблять братьев и сестер. Царевич Гао, понимая, что не спасется, сам просил позволения последовать за родителем в могилу. Хухай милостиво пожаловал сто тысяч монет на пышные похороны, и только благодаря этому семья царевича избежала плахи.

— По слухам, у него осталось двое сыновей. Один из них, Ин Чэнь, отправился за море на поиски Сюй Фу — того самого плута, что обманул Первого Императора обещаниями бессмертия. Так он оказался на Пэнлае и осел здесь. Чтобы уберечься от соглядатаев павших шести царств и новой Ханьской династии, его потомки сменили родовое имя Ин на Цинь.

Тань Ци вытаращился на него, чувствуя себя так, точно у него над ухом гроыхнул гром.

«Святые угодники... Живые потомки Цинь Шихуанди! И я живу с ними под одной крышей!»

Шэнь Цинчжоу без труда угадал, о чем тот думает.

— И не мечтай, — охладил он его пыл. — Столько веков утекло. К тому же ни в твоих, ни в моих жилах нет ни капли этой крови. Каким бы великим ни было прошлое дома Цинь, нас оно не касается.

«И то правда... Мое тело вообще носит фамилию Тань Ци», — уныло согласился Тань Ци. Но тут же зацепился за фразу: «Постойте-ка, выходит, и господин Шэнь не из их рода?»

— Меня принял на воспитание прежний глава семьи, — ровным голосом пояснил Шэнь Цинчжоу. — Оттого и положение мое среди сородичей считается столь высоким.

— А как же я? — поспешил расспросить Тань Ци. — Где мои... папа с мамой?

Шэнь Цинчжоу запнулся, удивленно вскинув бровь.

— Папа с мамой?.. Ты хотел сказать, отец с матерью?

Как оказалось, родители Тань Ци водили дружбу с нынешним главой дома. Когда на их пороге появились кровники, Цинь Жуй бросился на помощь, но опоздал — в живых застал лишь младенца, плачущего от голода в потайном подполе. Забрав сироту к себе, он вырастил его, а повзрослевший парень со временем заступил на службу стражником в терем Черной Птицы.

Тань Ци слушал, раскрыв рот.

«Ничего себе расклад! Круглый сирота, приют под чужим кровом, родовая месть на горизонте... Да это же классический зачин для романа про великого героя! А если прибавить к этому мое попадание в чужое тело... Неужели я и впрямь главный герой этой истории?»

Проводив взглядом Тань Ци, который с задумчивым видом уполз обратно за стеллажи, Шэнь Цинчжоу мгновенно стер с лица вежливую улыбку.

На захват чужого тела это походило мало. Юноша смотрел с удивительной, почти первозданной простотой. Человек с такими незамутненными глазами вряд ли был способен на столь гнусное злодеяние, как насильственное вытеснение чужой души.

К тому же он явно пытался восполнить пробелы в самых базовых вещах с помощью чтения, а подобная тяга к знаниям как раз отличала прежнего Тань Ци. Когда-то давно глава семьи предложил сироте на выбор несколько свободных мест, и Тань Ци вызвался охранять Библиотечный терем исключительно ради возможности беспрепятственно читать книги.

Вот только если прежний стражник всегда читал с горящими глазами и рвением прилежного ученика, нынешний листал фолианты с печатью глубокой унылости на лице. Сам Тань Ци назвал бы это состояние утомленного разума «и в бой идти неохота, и сдаваться лень».

«Неужели парень действительно просто повредился рассудком от удара?» — размышлял Шэнь Цинчжоу.

Делая вид, что углубился в чтение, Шэнь Цинчжоу чутко следил за каждым шорохом за стеллажами. Пока его подопечный отлучался переодеться, хозяин терема уже отправил весточку Третьему старейшине, Цинь Хэ, с нижайшей просьбой еще раз осмотреть юношу. Стоило опытному старцу явиться, как все сомнения — будь то потеря памяти, вселение злого духа или возвращение мертвеца — рассеялись бы без следа.

На пороге выросла фигура, заслонив багровые лучи заката и бросив длинную черную тень на каменные плиты пола. Дремавший у дверей диковинный зверь мэнцзи лениво приоткрыл один глаз, оценил гостя и вновь безразлично смежил веки.

Шэнь Цинчжоу поднял взор. С парящего меча легко соскочил глава семьи, Цинь Жуй. Его верный клинок издал тихий прощальный звон и послушно скользнул в ножны.

— Приветствую вас, глава, — чинно поклонился Шэнь Цинчжоу.

Услышав голоса, Тань Ци поспешно вынырнул из-за шкафов. В зал неторопливо вошел статный мужчина с волевым, глубоким взглядом. По подолу его просторных одежд волнами перекачивались вышитые горы и реки, на поясе покоился длинный меч с мерно покачивающейся шелковой кистью. Выглядел прибывший от силы лет на тридцать.

«Значит, это и есть глава рода?»

Тань Ци, суетливо поправив воротник куртки, робко засеменил навстречу, комкая пальцами широкие рукава:

— Глава рода.

Цинь Жуй удивленно приподнял бровь:

— К чему такая официальность? Прежде ты звал меня дядей.

Шэнь Цинчжоу торопливо вышел из-за стола, увлек гостя в сторону и вполголоса изложил суть дела. При этом он то и дело косился на притихшего Тань Ци, красноречивыми взглядами умоляя главу применить духовное зрение и досконально проверить душу юноши.

Поразмыслив мгновение, Цинь Жуй заговорщически подмигнул. Шэнь Цинчжоу без слов понял этот знак. Он принес из угла третье сиденье, и все трое устроились у широкого стола, причем глава занял почетное место во главе.

— Послушай, Куньюй, — начал Цинь Жуй без лишних предисловий. — Сам знаешь, какой непутевый у меня Сыюань. Я велел ему доставить тебе подарок. Всё ли дошло в целости?

— Благодарю за заботу, подарок я получил, хотя и не считаю себя достойным столь щедрого подношения, — вежливо отозвался Шэнь Цинчжоу. При воспоминании о пугающем уродце-пищу в груди у него все еще неприятно ныло, однако пренебрегать заботой названного брата не следовало, и он сдержанно поклонился.

Цинь Жуй внутренне содрогнулся.

«Плохо дело. Раз уж младший брат перешел на сухой тон и называет себя просто по имени, обида его глубока».

— Эм... — замялся глава. — И что же, вещица не пострадала в дороге?

— Вовсе нет, — отозвался Шэнь Цинчжоу. — Однако вынужден признаться: сия безделушка мне не по душе. Покорно прошу вас впредь воздержаться от подобных даров. В нашем роду немало способных учеников, что проливают пот ради общего блага, но остаются без награды. Я же веду праздную, сытую жизнь, окруженный незаслуженным почетом. Где же здесь справедливость?

«Ну вот, началось... — уныло подумал Цинь Жуй. — Опять он принимается за свои нотации!»

Цинь Жуй едва заметно вздохнул. Попробуй он хоть немного растопить лед в сердце названного брата, ему не пришлось бы так часто искать предлогов для визита в терем Черной Птицы. Хотя, если подумать, его старания не прошли даром — правда, лед стал только крепче.

Понимая, что спорить бесполезно, глава примирительно поднял ладони:

— Что ж, раз Куньюю не мила эта забава, больше докучать подарками не стану.

— Дело не в моих прихотях, — строго возразил Шэнь Цинчжоу. — Главе великого клана надлежит быть беспристрастным в наградах и взысканиях... К слову, почему на вас опять нет Нефритовой реликвии предков?

— Да она... тяжелая больно, — пробормотал Цинь Жуй, виновато отведя взгляд.

— И из-за этого пустяка вы пренебрегаете священным долгом? — нахмурился Шэнь Цинчжоу. — Амулет Предка-Дракона — символ вашей власти, оберегаемый законом предков. Сам основатель Ин Чэнь заповедал правителю никогда не расставаться с ним. Вы должны подавать пример младшим членам семьи, а вместо этого первым же нарушаете древний устав!

Цинь Жуй почесал щеку, смущенно втянув голову в плечи. Он покорно закивал, бормоча, что непременно исправится.

«И кто из нас двоих здесь главный? — тоскливо подумал Цинь Жуй. — Отец, ну зачем ты притащил в дом этого ворчуна? Чтобы он читал мне нотации круглые сутки?»

— Амулет Предка-Дракона? — вдруг подал голос Тань Ци, улучив момент. Тернять ему было нечего — списав всё на амнезию, он мог позволить себе любую глупость. — Это тот самый Дракон, о котором я думаю?

Шэнь Цинчжоу повернулся к нему:

— И о каком же правителе ты подумал? Об императоре Ин Чжэне?

— Ну да... Разве не о нем? — смутился Тань Ци.

— Связь с Первым Императором тут действительно есть, но имя амулет получил по другой причине, — с улыбкой пояснил Цинь Жуй. — В древности великого змея Инлуна величали Первородным Драконом. На нашей реликвии высечен его священный лик, оттого ее полное название — амулет Инлуна, а в семейном кругу его зовут просто амулетом Предка-Дракона.

Тань Ци уже открыл рот, желая разузнать подробности о связях с Цинь Шихуанди, но глава семьи опередил его.

— Через пару дней я отправляюсь в поместье Чистой Святости. Куньюй, не желаешь составить мне компанию?

Шэнь Цинчжоу удивленно приподнял брови:

— В поместье Чистой Святости? Неужели из-за помолвки нашей старшей барышни и молодого преемника Мэн?

— Именно так, — вздохнул Цинь Жуй, и на его обычно беззаботном лице залегла тень. — Я еду расторгнуть этот союз.

— Расторгнуть?! — ахнул Тань Ци, едва не подпрыгнув на месте. — Но почему? Неужели с этим... молодым господином Мэн что-то случилось?

Цинь Жуй удивленно взглянул на юношу, и в этом взгляде промелькнуло одобрение:

— Верно мыслишь. Память у тебя, может, и отшибло, но смекалка осталась.

Ввиду беспамятства Тань Ци глава семьи счел нужным пояснить подробнее:

— Молодого преемника зовут Мэн Сю, в обиходе — Цзыци. Ему сейчас двадцать четыре года, он аккурат на четыре года старше моей дочери Сыминь.

— Этот юноша был наделен редчайшим даром. Едва отпраздновав шестнадцатилетие, он уже достиг ступени претворения ци в дух. Среди сверстников ему просто не было равных.

— Стойте! — Тань Ци торопливо вскинул ладонь. — Ступень претворения ци в дух — это вообще много или мало?

Шэнь Цинчжоу и Цинь Жуй переглянулись. «Надо же, забыть такое... Похоже, у бедняги в голове действительно пусто».

— Путь совершенствования состоит из четырех великих врат, — терпеливо, не сводя глаз с юноши, заговорил Шэнь Цинчжоу. — От низшего к высшему: претворение семени в ци, претворение ци в дух, претворение духа в пустоту и, наконец, единение пустоты с Дао. Говорят, достигшие последней ступени способны пережить небесную кару и вознестись, став бессмертными небожителями. Впрочем, в наши дни никто подобных высот не достигал, так что это не более чем предания.

— Значит, претворение ци в дух в шестнадцать лет — это выдающийся успех?

— Не то слово, — с легким вздохом обронил Цинь Жуй. — Я сам переступил этот порог лишь в двадцать четыре года — без малого на десять лет позже него! И даже сейчас, достигнув лишь начальной ступени претворения духа в пустоту, я слышу в наших краях завидным умельцем. Одаренность же наследника Мэн граничила с чудом.

— О-о-о... — протянул Тань Ци. — А у меня тогда какая ступень?

Он мало-помалу начинал понимать, что здешнее чародейство сильно отличается от сказок о бессмертных старцах, живущих тысячелетиями. Похоже, век местных практиков был немногим дольше человеческого.

— Ты сейчас находишься на среднем этапе претворения семени в ци, — пояснил Шэнь Цинчжоу. — С твоим упорством годам к тридцати пяти имеешь все шансы пробиться к следующему рубежу.

Наблюдая за собеседником, Шэнь Цинчжоу подмечал, как растерянность в глазах Тань Ци постепенно сменяется пониманием. Нет, этот парень не притворялся — он действительно слышал всё это впервые.

— А вы, дядя Куньюй? — перевел взгляд на него Тань Ци.

Шэнь Цинчжоу на мгновение умолк, прикрыв веки.

— Мои способности скудны. Едва нащупал тропу к Дао, не более.

Тань Ци прикусил язык. Ему вдруг стало нестерпимо стыдно. «И дернул же меня черт спросить!»

Цинь Жуй деликатно кашлянул, прерывая неловкое молчание:

— Кхм, так вот, продолжу.

— Да-да, прошу вас, продолжайте! — закивал Тань Ци.

— Наследник Мэн слыл гордостью поколения, и нашему роду стоило немалых трудов заключить этот брачный союз, — продолжал глава семьи. — Беда пришла три года назад. По неясной причине этот многообещающий юноша за одну-единственную ночь лишился всех своих сил. И с тех пор, сколько бы он ни бился, его духовный сосуд оставался мертв. Отец его созвал лучших целителей со всех концов Поднебесной, но никто так и не смог понять, отчего иссох источник его силы. Увы, великий гений обречен угаснуть во тьме...

Цинь Жуй еще не закончил фразу, а Тань Ци уже почувствовал, как по его спине пробежала ледяная дрожь.

«Святые угодники... Да это же завязка типичного романа про культиваторов!»

«Бывший гений теряет всё, невеста мчится расторгать помолвку, оскорбленный герой бросает знаменитое: "Не презирайте юношу в нужде!", находит древний артефакт и начинает восхождение к вершинам силы, безжалостно карая всех, кто некогда посмел поднять его на смех!»

Тань Ци, так и быть, соглашался не быть главным героем этой истории. Но становиться глупым, обреченным на позорную гибель злодеем он не собирался ни за какие коврижки!»

Мысль эта подействовала на него как удар хлыста. Вскочив на ноги, он с размаху хлопнул ладонью по столешнице:

— Расторгнуть помолвку?! Да ни за что на свете!

<http://bllate.org/book/18428/1768144>